

ЕЛЕНА ИБУКОВА

ЕДА И НЕ ЕДА

РАССКАЗ

12+

Елена Ибукова

Еда и не еда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64838297

SelfPub; 2021

Аннотация

Не убий – гласит шестая божья заповедь. Общество потребления диктует иные правила. Еда становится культом, а самонасыщение оправдывает всё.

Елена Ибукова

Еда и не еда

Еда должна приносить удовольствие – твердит реклама. Удовольствие обещается порционное: в каждой ложечке, каждом глотке, каждом кусочке спрятан невероятный по силе и остроте спектр вкусовых блаженств. Заманивание начинается с цвета, ослепительно броского, непозволительно яркого. Затем испытываются на стойкость обонятельные рецепторы, проще говоря, нас одурманивает запах, специально и созданный для того, чтобы мы хотели или думали, что хотим, поглотить очередной продукт сомнительного качества, но того самого цвета, формы и аромата.

Ходить с мамой по магазинам было сущей пыткой. Она скользила взглядом по нескончаемо длинным полкам, обустроенным по всем правилам немудреной маркетинговой науки, стараясь не ошибиться в выборе и балансируя между ценой и качеством, наполняла тележку, которую я осторожно катила за ней. Мой потребительский выбор был всегда скромным и непритязательным и из-за того, что большая часть содержимого полок была для меня несъедобной, я равнодушно следовала за ней, размышляя о всяких посторонних вещах. Что бы произошло, если бы исчезли все ценники и разрешили брать, сколько унесешь? Что бы тогда делала я? Как бы выглядел магазин после этого разгрома?

Интересно наблюдать за лицами спящих по залу людей. Как они сосредоточены, как напряжены, как серьезны! Как долго они изучают витрины. Как неуверенно берут что-то с полки, держат, вертят в руках – то ли срок годности ищут, то ли пытаюсь разглядеть состав – вернут на место и снова тянутся... Вот и моя мать застыла у холодильника с полуфабрикатами, уже полчаса раздумывая, из какого убитого животного приготовить сегодня ужин. Я отстраненно помалкиваю, дабы не напоминать о своих пищевых предпочтениях, с которыми моя заботливая родительница никак не может смириться.

– Лучше бы я взяла с собой мальчишек, – вспомнив наконец о моем существовании, замечает она. – Они бы подсказали.

«Мальчишки», мои братья, здоровые, крепкие, пятнадцатилетние оболтусы, как все нормальные люди являются всеядными. Даже слишком. Конечно, с перевесом в сторону белка. Они наперегонки растят мышцы, и наша кухня заставлена огромными банкам со спортивными добавками, похожими на те, что продаются в строительных магазинах, с труднопроизносимыми названиями, сложной и явно небезопасной химической составляющей.

У меня все в порядке с весом. Для мамы, конечно, я слишком худа, а мне бы хотелось быть еще легче, просто сбросить с себя лишнее. Ну совсем чуть-чуть. Какими воздушными должно быть ощущают себя болезненно худенькие сорокаки-

лограммовые девочки! Как мне хотелось испытать это чувство! Но не быть при этом обтянутым кожей скелетом...

В отличие от братьев я в спортзал не хожу, не могу видеть себя и других, отражающихся в зеркалах в самых нелепых позах. И раздражают девицы с перекаченными ягодицами, фитнес-тренерши, берущие на себя слишком много. Одна из них, обладательница кубиков на животе (трудно себе представить что-то более уродливое), не способная сказать и двух слов, чтобы не упомянуть про сушку или кроссфит, запретила мне бегать по утрам. Якобы для сердца вредно и нагрузка на колени. И это заявляет девушка, которая изнуряет себя тренировками ради весьма специфических представлений об идеальном теле!

Близнецы привыкли к моим причудам. И мой отказ от поедания мертвых животных они восприняли как очередной каприз. Им приятно думать, что их старшая сестренка по мозгам не так далеко от них ушла.

Но мама не сдавалась. Она потащила меня к какому-то странному типу, который называл себя психологом, специализирующимся на расстройствах пищевого поведения. Ну всякие анорексички к нему ходят, он как будто их лечит. Он долго меня допрашивал, пытаюсь выяснить, кто меня надумил. Я решительно молчала. Оставив попытки меня разговорить, он прочел длинную лекцию о том, что бунт – удел подростков, а мне, за несколько месяцев до совершеннолетия, пора бы повзрослеть, что я, «грамотная и смышленная

девица» (дешевый трюк!), не должна поддаваться на уловки сомнительных экспертов, пытающихся завлечь меня в свою секту. Говорил он путано, но в переводе на человеческий язык основные мысли можно было передать примерно так. Очень хотелось нагругить ему и посмотреть, как он будет выкручиваться, но мое дурацкое воспитание пересилило, и когда он закончил свою скучнейшую проповедь я просто спросила:

– Вы когда-нибудь отрубали курице голову?

Он заерзал в кресле, будто искал удобную позу, а на самом деле подбирая доводы для возражения. Нет, обезглавливать кур ему не приходилось, слабоват он для этого. И его слишком интеллигентная бородка и модные роговые очки выдавали в нем разумного, воздержанного потребителя.

– Причем здесь это?

– Ну хотя бы видели, как отрубают? Как она бежит без головы, пока не умрет от потери крови? Вы об этом когда-нибудь думали?

– Зачем?

– Вы правы: незачем. В супермаркетах они уже безголовые, ошипанные и выпотрошенные. Очень удобно.

– А вы видели?

Ну вот! Могла бы догадаться, что он переключит разговор на меня. Сейчас начнет копать в моем детстве, выискивая на его безоблачном небосводе темные пятна.

– Нет, но могу себе представить. Моя деревенская бабуш-

ка держала кур, и в детстве я любила их кормить.

Он выпрямился, и в его взгляде застыло сладострастное предвкушение. Приготовился к тому, что теперь я разоткровенничаюсь. Как бы не так!

– К зиме их убивали. А мне ввали, что куры сбегали или прятались. И поедая на обед супчик, я не догадывалась, что он из той самой курочки, которую я еще вчера кормила травкой.

Поделившись этим сомнительным откровением, я снова замолчала, а он выдал очередное глупое замечание:

– Сейчас их убивают безболезненно. Током, кажется...

– По-вашему, это очень гуманно? Но я вас расстрою. Током их только оглушают. Чтобы птица не билась и не портила товарный вид. А потом нож в глотку, артерия разрезается, птица висит на крюке, пока из нее вытекает кровь. Это безболезненно, как думаете?

Его каменное лицо даже не дрогнуло. Само самообладание.

– Курица – всего лишь птица.

– Ну конечно. Для такого самонадеянного существа как человек. Ведь животные выращиваются только для того, чтобы сделаться обедом.

– Значит, вам стало жаль животных, отсюда всё пошло?

Что он имел в виду под этим «всё», было неясно. И куда оно «пошло» тоже.

– Вам на самом деле это интересно?

– Разумеется.

Ну да! Господи, на что только люди не идут ради денег. Некоторые готовы часами слушать других и делать вид, что им это интересно.

Махнув рукой на незадачливого психолога, мать обратилась к знакомому врачу, если так можно назвать гомеопата с сомнительной репутацией. Этот, с позволения сказать, специалист подошел к проблеме (ну они все считают это проблемой или каким-то досадным недоразумением) с другой стороны и начал рисовать пугающие картины моего будущего, в котором у меня неизменно должны перестать расти ногти, выпасть волосы, резко снизиться гемоглобин, исчезнуть цикл, разрушиться кости и прочее-прочее. Короче говоря, белковое голодание медленно, но верно меня угробит, если я не перестану издеваться над своим организмом. Когда я заметила, что в чечевице белка больше, чем в курице, он нервно замотал головой: растительный белок не идет ни какое сравнение с животным и так далее по обкатанной схеме с незаменимыми аминокислотами, которых якобы неоткуда больше взять... Ну что с таким спорить?

Я не стала ничего объяснять и доказывать. Я сторонилась тех, кто приводил факты, оперировал цифрами и подгонял под свои выводы результаты экспериментов. Я решила для себя, что убийство есть убийство. Какие еще нужны доводы? Люди оправдывают войны, да еще с каким пафосом и лицемерием, а тут какие-то примитивные существа, созданные

лишь для убоя. Это разумно, да? Это цивилизация?

Я запаслась готовыми ответами на однообразные вопросы, которыми мучили знакомые, когда до них доносились слухи (а это трудно было скрыть) о том, что я стала травоядной. Не исповедоваться же каждому, кто вдруг замечает, что за общим столом я почти ничего не ем. Мое окружение интересовала лишь утилитарная сторона вопроса: какая мне польза от того, что я испытываю такие лишения. Какие лишения? О чем они?

О том, что еда – это удовольствие. И неважно, что ради твоего удовольствия кому-то придется пострадать. Потребление как самоцель. Самонасыщение как оправдание.

Мама совсем отчаялась. Она чуть было не пошла к местному батюшке, чтобы тот наставил меня на путь истинный и объяснил, что животное отличается от человека тем, что у него нет бессмертной души, поэтому мы, люди, можем распоряжаться этими неразумными существами по своему усмотрению. Он бы обязательно рассказал мне о том, что пост – дело богоугодное, а то, чему следую я, – от лукавого, от гордыни, от самолюбования. А на ветхозаветное «Не убий» он возразил бы тысячей других цитат и убедил бы меня, что священные тексты писались для того, чтобы их толкования можно было применить ко всем сферам человеческого бытия.

Как только мать заикнулась о священнике, не выдержал отец:

– Оставь уже ребенка в покое! Ей самой скоро надоест придуриваться.

Так мы теперь и живем: мне все никак не надоест придуриваться, а она продолжает ждать и с брезгливым видом посвящать знакомых в тонкости моих кулинарных экспериментов.

Я послушно катила тележку к кассе. Сейчас мы погрузим сумки в машину, поедem домой, чтобы готовить ужин, а потом соберемcя за одним столом, и я спокойно выслушаю пару глупых колкостей о том, что листочкам салата тоже может быть больно... Я готова к непониманию, с которым мне придется столкнуться в будущем. Но готовы ли вы?...

Мы уйдем, а в холодильниках останутся лежать части чьей-то плоти, разрезанные на кусочки и пласты, прокрученные через мясорубки, напичканные специями, переработанные в окорока и колбасы. Полежат несколько дней и, если не окажутся в одной из переполненных тележек, будут выброшены, утилизированы, уничтожены...

Как вам такое удовольствие?